

Петровская О. А.

ПОЛИТИЧЕСКИЙ МИФ КАК СПОСОБ ФОРМИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2007/7-2/56.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2007. № 7 (7): в 2-х ч. Ч. II. С. 134-136. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2007/7-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

При этом философия науки, как дисциплина осмысляющая социокультурные функции науки в условиях научно-технического прогресса, становилась все более и более "историчной", и рассматривала производимые научные знания в контексте их исторического развития, не уделяя глубокого внимания социально-философскому аспекту существования науки. Такой подход достиг своего апогея в постпозитивистском направлении философии науки (Лакатос, Фейерабенд, Кун) и привел к появлению историко-методологической модели понимания научного знания, общая установка которой великолепно была описана крылатой фразой Имре Лакатоса: "философия науки без истории науки пуста; история науки без философии науки слепа" [Лакатос 1978: 203]. Безусловно данный подход имел множество положительных сторон в развитии философии науки (полноценный отказ от грубого кумулятивизма; отход от классического позитивизма в признании взаимосвязи философского и научного познания), но при большинстве попыток освещения вопроса связи науки с обществом у сторонников постпозитивизма историко-научный аспект постоянно преваляровал над социально-философским.

В результате чего социально-философские проблемы существования науки должным образом не рассматривались и соответственно полноценная картина науки, как в её современном виде, так и в процессе её прошлого и дальнейшего эволюционирования представлена быть не могла. Между тем даже такой классик историцизма в науке как Джон Бернал выделял необходимость анализа философско-социального аспекта существования науки и конкретными примерами подчеркивал значимость подобного анализа для построения общей научной картины: "необходимо изучить изменения, которые претерпевала наука, в особенности за последние годы, и показать, как она в качестве института взаимодействует с другими институтами и с общей деятельностью общества" [Бернал 1956: 21]. "Социальная направленность науки, по крайней мере вплоть до недавнего курса на милитаризацию, была общей и ненавязчивой и могла оказывать действительную помощь изобретательным умам, заставляя их сосредотачивать свое внимание на узловых проблемах текущей практики" [Бернал 1956: 19]. Впрочем говорить о полном игнорировании социально-философского аспекта существования науки нельзя. Конечно, исследования были, но все они зачастую протекали стихийным образом в рамках научной деятельности не направленной рассматривание данной проблематики.

В связи с этим стоит сказать, что при все большем и большем внедрении научного знания и его достижений, как на уровне государственной политики, так и обихода широких слоев населения, необходимо и более глубокое и целенаправленное изучение социально-философского аспекта существования науки. И только с помощью детального анализа в данном аспекте самого научного знания, а также взаимодействия науки и общества, возможно понимание сущности современной науки и прогнозирование дальнейшего её развития.

Список литературы

- Бернал Дж.** Наука в истории общества – М.: Изд-во «Иностранная литература», 1956.
Лакатос И. История науки и её рациональные реконструкции // Структура и развитие науки. Из Бостонских исследований по философии науки. - М.: Изд-во «Прогресс», 1978.
Поппер К. Предположения и опровержения: рост научного знания. - М.: ООО «Издательство АСТ»: ЗАО НПП «Ермак», 2004.

ПОЛИТИЧЕСКИЙ МИФ КАК СПОСОБ ФОРМИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Петровская О. А.

Кубанский государственный технологический университет

В современном мире человеку постоянно приходится действовать в условиях крайнего дефицита информации, не потому что ее нет, а потому что ее настолько много, она приходит со всех сторон и, следовательно, настолько неупорядочена и противоречива, что можно сказать, что ее нет. Чтобы компенсировать этот недостаток современной информации и появляются мифы, как упрощенные и правдоподобные объяснения реальности.

Миф представляет собой не только обобщенное представление о действительности, сочетающее и нравственные, и эстетические установки. Он соединяет реальность с мистикой. То есть это всегда представление в значительной мере иллюзорное, но в силу своей этической и художественной привлекательности оказывающее большое воздействие на массовое сознание [Кара-Мурза 2002: 205].

Схожую ситуацию мы можем наблюдать и в политике. С усложнением стратификации общества стали возникать различные политические группы, которые артикулируют свои интересы, иногда открыто заявляя о своих притязаниях, иногда прикрываясь интересами реальных или потенциальных «классов». В современном устройстве политической системы, когда большая часть стран заявляет о своей приверженности к демократическим ценностям и основным средством легитимации политического режима являются выборы, и соответственно одной из основных проблем становится привлечение электората на свою сторону. Главным способом разрешения этой проблемы является конструирование и реализация политических мифов.

Современное информационное общество оказывается наиболее приспособленным для мифологизации политической жизни, поскольку одной из главных функций мифологического видения мира является снятие

и сглаживание противоречий, замена фундаментальных противоположностей на другие менее резкие и более приемлемые для сознания [Леви-Стросс 1983: 201].

Крупнейший вклад в исследование мифов XX века внес немецкий философ Э. Кассирер. У него мифология предстает как замкнутая система и способ моделирования окружающего мира. Современные политические мифы сначала изменяют людей, чтобы потом иметь возможность регулировать и контролировать их деяния. Люди становятся жертвами мифов без серьезного сопротивления» [Кассирер 2005: 21].

В связи с этим автор полагает необходимым следовать методологической установке А.Ф. Лосева: «Теория мифа, которая не захватывает культуры вплоть до ее социальных корней, есть очень плохая теория мифа. Нужно быть очень плохим идеалистом, чтобы отрывать миф от самой гущи исторического процесса и проповедовать либеральный дуализм: реальная жизнь – сама по себе, а миф – сам по себе» [Малявин 2003: 102].

Другой исследователь природы мифа Р. Барт в книге «Мифологии» говорит о том, что миф превращает историю в идеологию. Миф, по мнению исследователя, вырабатывает образы, обедненные смыслом, которые позволяют придавать им новые символические значения, как бы надстраивая над первичным смыслом того или иного образа вторичный смысл, служащий для создания нового знака. Так рождаются политические мифы, заполняющие современную историю [Карпухин, Макаревич 2003: 45].

Необходимо обозначить еще одну особенность мифа. С глубокой древности человек создавал миф, ориентируя его на другого человека, обращаясь через миф к другому, воздействуя на другого, намереваясь вступить в диалог, установить длительный контакт [Лебедев-Любимов 2006: 317]. У политического мифа всегда есть автор, который честолюбив, но он пытается скрыться за самим мифом и фразами «так все говорят, считают», «все так думают», «все знают это».

Здесь не обойтись без обозначения трех классических составляющих коммуникационного процесса: коммуникатора-заказчика, реципиента-потребителя и самого процесса сообщения.

Коммуникатором-заказчиком являются политическая элита и субэлита, определяющая экономическую, социальную, культурную и государственную политику. Именно здесь концентрируется основная энергия мифов и направляется на конструируемые объекты. Немецкий социолог Р. Асфар сравнивает эту функцию мифа с функцией лазера, ответственного за концентрацию энергии.

Реципиентом-потребителем являются массы общества, пользователи поведенческих стереотипов, абстрактно воспринимающие бытовое микрособытие, находящееся в системе квинтэссенции технологии власти [Борисов 2005: 256].

Наиболее простым использованием мифа в политической практике является подключение к уже существующему в массовом сознании мифу, поскольку его не следует вводить как новую информацию и невозможно в принципе опровергнуть.

Одним из самых распространенных методов конструирования политического мифа является персонификация мифологического образа

Героический миф – это миф о рождении, смерти и возрождении героя, в котором воплощены чаяния поколений и сплетены высшая форма коллективности и высшая форма индивидуальности. Точно так же политический персонаж лишь олицетворяет собой идеи, идеалы, ценности, интересы и т.п. некоего социального слоя (существующего или потенциально возможного) или социума в целом. Фигура политического героя является стержневым элементом политического процесса, даже если данный процесс увязывается с некоей концепцией. Через фигуру политического героя эта концепция только и может быть предъявлена обществу.

Вот несколько из возможных вариантов таких образов-стереотипов:

Царь. Особая сила и аура власти. Этим образом обычно пользовался Б. Ельцин.

Хозяин. Ведет не только будничную работу, но и совершает зрелищные действия, приводящие к гигантским результатам, за что ему готовы простить мелкие грешки.

Понтер. Всегда работает на публику, постоянно провоцирует ее.

Умник. Интеллигент, прекрасные навыки общения, всегда есть программа действий в любой ситуации (но очень слабы организаторские способности).

Романтик. Никогда не приживается в высших эшелонах власти. Честен, интеллигентен, привержен собственным идеалам..

Профи. Дело превыше всего. Политика нужна только чтобы обеспечить наиболее благоприятные условия для бизнеса [Почепцов 2004: 159].

Следует отметить, что миф организует мир так, что, что бы ни случилось, все было понятно и имело смысл. Иначе говоря, задав определенные рамки толкования той или иной политперсоны, в дальнейшем можно любые его поступки и высказывания интерпретировать в рамках созданного мифа.

Такие методы конструирования мифа используются не только при работе с конкретными людьми, но и при работе с политическими движениями и организациями.

Миф – неотъемлемая часть современного политического пространства. С глубокой древности человек создавал миф, ориентируя его на другого человека, обращаясь через миф к другому, воздействуя на другого. Политический миф связан с глубинными, ведущими потребностями, эмоционально окрашен, является необходимым методом для проявления политической активности.

- Борисов Б. Л.** Технологии рекламы и PR. – М.: ФАИР-ПРЕСС, 2005. – 624 с.
- Кара-Мурза С. Г.** Манипуляция сознанием / Серия «История России. Современный взгляд» – М.: ЭКСМО-Пресс, 2002. – 832 с.
- Карпущин О., Макаревич Э.** Формирование масс: природа общественных связей и технология «паблик рилейшнз»: опыт историко-социолог. исследования. – Калининград: ФГУИПП Янтар. Сказ, 2003. – 547 с.
- Кассирер Э.** Техника современных политических мифов // Вестник Московского университета. – Серия 7. Философия. – 2005. – № 2.
- Лебедев-Любимов А. Н.** Психология рекламы. – СПб.: Питер, 2006. – 86 с.
- Леви-Стросс К.** Структура антропологии. – М., 1983. – 458 с.
- Малявин С. Н.** История русской социально-философской мысли. – М.: Дрофа, 2003. – 256 с.
- Почепцов Г. Г.** Имиджелогия. – М.: Ваклер, 2004. – 564 с.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РУКОВОДЯЩИХ ОРГАНОВ ПЕНЗЕНСКОГО ЗЕМСТВА ГЛАЗАМИ МЕСТНОЙ ПРЕССЫ

*Питерова А. Ю.
Пензенский государственный университет*

С момента возникновения земских учреждений большинство их действий оказалось под тщательным наблюдением со стороны средств массовой информации. Не все органы печати посвящали передовые статьи деятельности Пензенского губернского и уездных земств, но тема органов местного самоуправления звучала довольно часто. О земстве писали по-разному. Иногда публикации носили откровенно льстивый характер, а порой критика была чересчур жесткой, ведь земские учреждения, несмотря на масштабность своей деятельности, не были всесильными. Но, тем не менее, любое упоминание о земских органах шло им на пользу.

Материалы прессы об административной работе земства занимали немало места на страницах печатных изданий. Подробное описание хода земских собраний, информация о составе гласных, приведение данных смет и отчетов, – все это давало возможность муниципалитетам быть на виду, особенно на первых порах, когда о каких-либо результатах говорить было еще рано.

Довольно объемная публикация о земских учреждениях представлена газетой «Пензенские губернские ведомости» (далее – ПГВ) уже в № 12 за 1865 г. в рубрике «Объявления», где губернатор объявил об открытии действий уездных земских управ.

В течение нескольких лет с момента возникновения земских учреждений сообщения в прессе об их деятельности носили преимущественно характер объявлений. Скорее всего, органы печати только присматривались к первым шагам земства, поэтому и воздерживались как от похвалы, так и от критики. Исходя из этого, в 1865–1866 гг. ПГВ печатают лишь заметки о заседаниях Пензенского уездного земского Собрания, объяснительные ведомости, а также годовые и полугодовые отчеты и предположения земских уездных управ.

Только с 1872 г. «Губернские ведомости» стали размещать отдельную рубрику «Земская хроника». Этот шаг был, по большей мере, формальностью, т.к. содержание рубрики мало чем отличалось от предшествующих объявлений о земской деятельности. Речь в «Земской хронике» шла в основном об очередных земских собраниях по уездам Пензенской губернии.

Известно, что материальное обеспечение земских учреждений оставляло желать лучшего. Проблема денежных средств, а также чересчур обширное поле деятельности земства являлись основными причинами многих неудач. Это выяснилось достаточно скоро, но представители земства были склонны облекать данные затруднения в несколько иную форму. Им казалось, что органы самоуправления слишком молоды и пока еще не набрались опыта.

Наиболее ясно мнение представителей власти и земства было выражено на чрезвычайном губернском земском Собрании, где следующим образом упоминалось о роли земских учреждений: «...задача земства, как известно, чрезвычайно сложна, и круг действий его распространяется на множество весьма разнородных предметов. Кажется, нет такого вопроса в нашей общественной жизни, который, так или иначе, не относился бы к земству и не ждал от него своего решения».

Освещение прессой очередных уездных земских собраний давало возможность читателям быть в курсе работы текущих сессий. Как правило, на них подводились итоги за прошедший период, сравнивались результаты деятельности и намечался курс на следующий год или несколько лет.

Проводимые мероприятия земских учреждений, в целом, получали положительную оценку со стороны местной печати. Но когда речь заходила об очередных сессиях губернского земского собрания, то ситуация менялась. По видимости, пензенские печатные издания негативно относились к земским гласным по причине частого их бездействия. Это лишь предположение, основанное на некоторых высказываниях ПГВ: «...очередных обязательных вопросов подлежит рассмотрению небольшое количество, и поэтому нередко приходится слышать от гласных, что собрание скоро окончится. Но неужели земство положило только за-